

Цинь Лань спокойно смотрел на Лань Цяньсина, который почти не отходил от него.

Разум Лань Цяньсина помутился, и когда он осознал это, он уже стоял на коленях у ног Цинь Ланя.

"Что ты делаешь?" раздался голос перед ним, мутный или ясный - не определить, он не мог сказать, был ли он сердитым.

"Мастер, я..." Лань Цяньсин не мог объяснить это, и не мог найти никакого оправдания. Страх быть изгнанным из секты снова появился, как и в прошлой жизни, когда он выразил свои чувства Юнь Хуа, но еще сильнее, чем в прошлой жизни. Он в панике посмотрел на Цинь Ланя.

Казалось, на этом безразличном лице не было никаких эмоций, но кончики его красноватых ушей выдавали застенчивость, которая не должна была на нем появиться.

Лань Цяньсин посмотрел на розовое пятно, слегка приоткрыл рот, но, казалось, забыл свои слова.

На самом деле Цинь Лань давно проснулся, но муж целовал его снова и снова, и он не мог понять, хочет ли муж, чтобы он проснулся, или не хочет. Он решил проснуться, потому что у него затекли ноги.

Цинь Лань все еще сидел у дерева, медленно ожидая, пока пройдет онемение. При этом он с раздражением смотрел на взволнованное и беспомощное лицо Лань Цяньсина, пытаясь узнать истинные мысли мужа.

Лань Цяньсин еще больше запаниковал под взглядом Цинь Ланя. Почему он не сдерживался, почему был недоволен? Возможно, Цинь Лань был слишком спокоен всю ночь. Он спал так крепко и спокойно, что казалось, что он так и будет спать дальше.

Прошлой ночью он держал фонарь и смотрел на него, но не мог понять, что он означает, поэтому продолжал смотреть на Цинь Ланя. Он просто думал об этом в своем сердце, на самом деле он не осмеливался совершать такие злые поступки. Неожиданно они замолчали, и светлячки, казалось, не были потревожены, поэтому два светлячка подлетели и, казалось, хотели остаться на лице Цинь Ланя.

Лань Цяньсин только хотел помочь мастеру смахнуть двух жучков, чтобы не нарушать его покой, но, поспешно отдернув руку, случайно коснулся лица мастера и задел его губы. Палящий жар, который пылал только в его сердце, вдруг, казалось, обжег и кончики пальцев, яростно обжигая их. Глядя на это лицо и губы под лунным светом, Лань Цяньсин не смог устоять перед искушением и поцеловал его.

Вначале он осторожничал, затаив дыхание, а затем разделился с первого прикосновения. Лань

Цяньсин сжал в груди глухое биение сердца, подтверждая, что его мастер, запечатавший его культивацию, не пробудился от глубокого сна. После того как биение сердца постепенно утихло, он не мог не вспоминать о прекрасном прикосновении этих губ.

И так снова и снова. Лань Цяньсин не мог вспомнить, сколько раз он был самонадеян за одну ночь. Такая возможность выпадала так редко, к тому же его хозяин, казалось, не знал об этом всю ночь, поэтому даже на рассвете он все еще хотел поцеловать ее еще раз, только еще один раз.

К сожалению, оказалось, что последствия ненасытности и увлечения часто бывают не очень хорошими.

Лань Цяньсин опустил голову и плотно сжал губы. Вначале, когда он только прибыл на пик Цинъюнь, его обидные слова хозяин мог отпустить, но в этот раз он проявил неуважение к нему. Его мастер, должно быть, думал, что он его не уважает и унижает, как он мог его терпеть?

Лань Цяньсин снова подумал, может быть, мастер не убьет его, он такой мягкосердечный, если он признает свою ошибку, может быть, он сможет... Нет, он не хочет, он не хочет признавать свою ошибку. Даже если время отмотать назад, он все равно так поступит. Он знал, что ничем хорошим это не закончится, но все же...

После долгого молчания человек перед ним отвернулся. Лань Цяньсин закрыл глаза и ждал, что он с ним сделает.

Цинь Лань встал. Синий халат, который Лань Цяньсин надевал на него всю ночь и который все еще сохранял температуру его тела, сполз на зеленую траву.

Цинь Лань посмотрел на Лань Цяньсина, который стоял на коленях, но его спина оставалась прямой. Из-за тонкой одежды его фигура выглядела немного жалкой на прохладном утреннем летнем ветерке, но в то же время очень крепкой.

Мужчина, снисходительно смотревший на него, облегченно вздохнул и, казалось, ничего не хотел делать. Лань Цяньсину захотелось поднять на него глаза, но он боялся, что тот еще больше разозлится.

Поколебавшись, мужчина прошел мимо него и спустился с холма.

Лань Цяньсин был ошеломлен: что значит мастер? Он ему не нужен? Хотел ли он оставить его и пойти тренироваться в одиночку или вернуться на пик Цинъюнь?

Не заботясь о том, будет ли его мастер сердиться еще больше, Лань Цяньсин поспешно поднял голову, чтобы посмотреть на бледно-голубую фигуру.

Увидев, что Цинь Лань только умывается у ручья под холмом, Лань Цяньсин облегченно вздохнул. В то же время он начал думать, почему он не разобрался с ним напрямую? Неужели он все еще колеблется? Почему он колеблется, может быть, потому что он все еще имеет какой-то вес в сердце мастера?

После того, как Цинь Лань умылся, он огляделся вокруг, как будто что-то искал или определял. Вскоре он снова вернулся к большому дереву.

Холм не очень большой, так что до вершины можно добраться, не делая слишком много шагов.

Цинь Лань проснулся как раз вовремя. Он как раз поднялся на холм, когда солнце начало всходить. Гора не очень высокая, но солнце, освещающее этот небольшой холм из-за густого горного леса, - это совсем другая красота. Хотя она и не была очень шокирующей, но словно вуаль на солнце, отчего он вдруг стал казаться более нежным и ласковым.

"Почему ты все еще стоишь на коленях на земле?" Возможно, из-за солнечного света, голос Цинь Ланя не звучал сердито.

Лань Цяньсин не посмел быть безрассудным в этот момент, он встал на колени и ответил: "Я прошу прощения у мастера".

Цинь Лань слегка усмехнулся, но без сарказма, как будто его просто забавляло: "Думаешь, ты не прав?".

"..." Лань Цяньсин замолчал на мгновение, затем наконец поднял голову и посмотрел прямо на Цинь Ланя: "Нет".

Цинь Лань спокойно посмотрел на него и сказал: "Так за что ты просишь прощения?".

"Мастер..." Лань Цяньсин посмотрел на него в недоумении. Он думал о многих результатах, но такого он не ожидал.

Его мастер совсем не преследовал его, и он совсем не наказывал его. Почему?

Лань Цяньсин был полон сомнений.

В это время Цинь Лань снова сказал: "Солнце восходит".

У Лань Цяньсина не было времени беспокоиться о том, взошло солнце или нет, когда Цинь Лань напомнил ему об этом, он повернул голову и посмотрел на восходящее солнце на востоке.

Золотой свет рассыпался по верхушкам деревьев, прохладный ветер казался немного двусмысленным, что эти темные места могут также получить прикосновение тепла. Это было очень красиво и комфортно, это медленно расслабило его слишком напряженное и беспокойное сердце.

"В мире так много прекрасных вещей, почему ты все еще хочешь жить прошлым?" Голос Цинь Ланя, казалось, доносился издалека, немного мягкий и легкий, но он удивил Лань Цяньсина.

Он был уверен, что Цинь Лань намекает ему на что-то, но он не был уверен, что Цинь Лань намекает на то, что он специально подошел к нему из-за Юнь Хуа, его любовные поцелуи были просто мстью, или он просто хотел убедить его отпустить свою обиду.

Скорее всего, это было последнее. В этой жизни он не общался с Юнь Хуа, откуда Юнь Цзюэ мог знать? Подумав об этом, Лань Цяньсин почувствовал себя немного спокойнее.

Солнце уже полностью взошло. После того, как Цинь Лань закончил любоваться красотой восхода, он сказал Лань Цяньсину: "Вставай, одевайся и сломай для меня ветку".

"Да, мастер!" Лань Цяньсин поднял свою одежду, которая всю ночь смешивалась с холодным ароматом на теле Цинь Ланя. Эмоции бушевали в его сердце, как дикая трава, обдуваемая весенним ветерком, буйно разрастаясь.

Цинь Лань сделал простую удочку и сел на камни у ручья ловить рыбу, а Лань Цяньсин нашел в лесу дрова. Утром выпала роса, но, к счастью, выглянуло солнце, поэтому, разложенные на камне, они не успели высохнуть.

Четверть часа назад Лань Цяньсин думал, что умрет, но теперь он ждал, когда Цинь Лань поймает рыбу, чтобы приготовить ее для него.

Он не мог понять мысли Цинь Ланя, и теперь, когда он успокоился, он почувствовал, что лучше бы его наказали. Спокойствие Цинь Ланя может означать только то, что его совершенно не волнует этот вопрос. Причина, по которой он не злится, заключается в том, что он чувствует, что это не стоит упоминания, поэтому нет необходимости беспокоиться об этом.

Конечно, есть и другая возможность, которая также имеет смысл, а именно: Цинь Лань имеет такое же чувство о нем, поэтому он счастлив и застенчив, естественно, он не будет злиться. Жаль, что эта возможность... у Цинь Ланя не хватало уверенности, чтобы сказать, что она верна.

Цинь Лань поймал две или три рыбы, Лань Цяньсин разжег огонь, очистил рыбу от чешуи и приготовил ее на гриле. В ручье текла вода из горного источника, поэтому рыба получилась сладкая и нежная. Такая еда, конечно, хороша.

Собирать дикие фрукты, охотиться в горах, ловить рыбу в ручьях. Эти двое жили как бы тайной жизнью, поэтому Лань Цяньсин испытал еще одну сладость после оживленного праздника фонарей.

Здесь есть только они. Пейзаж, пение птиц, аромат цветов - только он и Цинь Лань видят, слышат и обоняют это.

Если раньше Лань Цяньсин не был уверен, что Цинь Лань действительно испытывает к нему какие-то чувства, то после нескольких дней такой уединенной жизни он начал надеяться на себя.

Просто мастер не знает своих собственных чувств. Он, очевидно, знает, но все равно позволяет ему оставаться наедине с собой. Почему? Ответ вот-вот должен был прозвучать, но, как и равнодушная реакция того человека, он казался скорее иллюзорным и недостаточно реальным.

Лань Цяньсин не получил никакого наказания за кражу поцелуев. Как мастер, Цинь Лань не стал четко указывать на добро и зло, а позволил своим ученикам вкусить сладость и чрезмерную снисходительность. Конечно, в результате ученики делали смелые шаги и взбирались на скалы, чтобы попробовать соблазнительный мед, который висел высоко на скалах.

На этот раз Лань Цяньсин был гораздо смелее. Вскоре после того, как он заснул, Цинь Лань забрался в домик на дереве.

Дом на дереве был спроектирован Цинь Ланем. Он сказал, что у него не было никаких грязных мыслей о том, чтобы оказаться в дикой природе, но внезапно почувствовал, что будет наслаждаться самой простой жизнью в дикой природе со своей возлюбленной, поэтому они вместе построили дом, что было очень романтично. Конечно, он намекнул мужу, что это была всего лишь случайная мысль.

Лань Цяньсин держал ротанговую лестницу, которую он сделал сам. При мысли о том, что она была построена вместе с мастером, он уже был немного воодушевлен, и даже его кровь начала закипать.

Не сомневайся, не сомневайся. Думаешь, у тебя еще есть шанс, когда ты вернешься на пик Цинъюнь?

В огромной Секте Тяньюнь есть сотни правил, а еще есть Юнь Хуа, который всегда жаждал своего мастера. Потому что Юнь Хуа точно не позволит ему превзойти Юнь Сань и Юнь Фэна.

Лань Цяньсин снова и снова повторял эти слова в своем сердце, крепко сжимая ротанговую лестницу, и плавно поднялся на дерево.

Без культивации, дом на дереве, построенный обеими руками, имеет только одну комнату. Грубые ветви деревьев покрыты пальмовыми листьями и сухой травой, образуя толстый слой. Он был собран Лань Цяньсином после часовой прогулки.

Очевидно, что все слишком примитивно, но человек, спящий на сухой траве, такой тихий и красивый, без следа дискомфорта на лице, как будто это самая лучшая и мягкая кровать под ним. Это заставило Лань Цяньсина, который все время был неуверен, беспокойное сердце внезапно успокоилось.

Лань Цяньсин вздохнул и мягко подошел к Цинь Ланю, опустившись на колени на мягкую сухую траву. Некоторое время он спокойно смотрел на спящего Цинь Ланя, а затем прошептал: "Мастер...".

Цинь Лань, казалось, слышал, как Лань Цяньсин зовет его в трансе, но он был уставшим, поэтому не хотел просыпаться.

Лань Цяньсин увидел, что Цинь Лань только слегка нахмурился, а затем быстро заснул, как будто был недоволен тем, кто потревожил его хорошие сны.

Лань Цяньсин улыбнулся, протянул руку, чтобы взять Цинь Ланя за руку, затем сцепил пальцы и продолжил: "Мастер, я хочу стать даосским компаньоном вместе с вами, что вы думаете?".

Он увидел, что брови Цинь Ланя были глубоко наморщены, как будто он вот-вот проснется, поэтому он наклонился и попробовал сладость этих мягких губ заранее или в последний раз.

Цинь Ланя снова разбудил поцелуй.

На этот раз он был уверен, что муж хотел, чтобы он проснулся, поэтому проснулся в тот самый момент, когда муж поцеловал его сильнее всего.

Их взгляды снова встретились, и на этот раз в глазах Цинь Ланя наконец-то появился гнев.

Но Лань Цяньсин больше не боялся, его руки сжали десять пальцев Цинь Ланя. Увидев, что тот проснулся, он прижал его руки, и нежный поцелуй стал агрессивным, он целовал, лизал, кусал и сосал, даже хотел коснуться зубов Цинь Ланя кончиком языка.

Цинь Лань, у которого не было опыта в таких вещах, конечно, не ожидал, что Лань Цяньсин будет настолько самонадеянным.

Цинь Лань был так сильно зацелован Лань Цяньсином, что не мог ничего сказать. На его лице, которое всегда было лишено выражения, появилась розовая краснота. По мере углубления поцелуя краснота становилась все более заметной.

Это удивило Лань Цяньсина, и тогда он медленно опустил наступление и поцеловал Цинь Ланя с жалостью и нежностью, пытаясь заставить Цинь Ланя понять его любовь.

Неизвестно, когда Лань Цяньсин полностью прижался к телу Цинь Ланя. Поцелуй Лань Цяньсина закончился, рот Цинь Ланя наконец освободился, и как только он собрался заговорить, мужчина на его теле полностью подавил его, полуобняв его хриплым голосом: "Мастер, вы обещаете мне?".

Румянец на лице Цинь Ланя еще не угас, и он внезапно оказался вот так сдержан. Его лицо было черно-красным, а тон был на грани гнева: "Что ты обещаешь?!".

Лань Цяньсин уткнулся лицом в шею Цинь Ланя. Цинь Лань отчетливо ощущал палящий жар на его лице.

Цинь Ланю было некомфортно из-за него. Когда он пошевелился, его быстро прижал к себе Лань Цяньсин.

Цинь Лань услышал, как тот выдохнул. Цинь Лань, который бесчисленное количество раз катал простыни вместе с мужем, быстро понял, что он, вероятно, натирает младшего брата мужа.

Однако, когда они находились рядом друг с другом, Цинь Лань не чувствовал ничего тяжелого. Он догадался, что это, вероятно, потому, что его муж подавил это, чтобы не показаться слишком жалким и непристойным.

"Мастер, я только что спросил вас, я хочу стать даосским компаньоном с вами, но вы не ответили мне, я думал, что вы согласились по умолчанию." К счастью, Лань Цяньсин зарылся лицом в шею Цинь Ланя и не смел смотреть прямо на Цинь Ланя, иначе, вероятно, он не смог бы сказать такие дерзкие слова.

"Ты!" Цинь Лань тоже был шокирован лицом своего ученика.

"Мастер..." мягко позвал Лань Цяньсин, немного сладко, как будто ведя себя как избалованный ребенок, "Будь то фестиваль фонарей или восход солнца, причина, по которой я думаю, что это красиво и счастливо, только потому, что я с вами. Я готов отпустить свою обиду, отпустить свою ненависть, и просто быть тем Лань Цяньсином, которого ты хочешь видеть, ты можешь не отвергать меня?"

Лань Цяньсин встал и серьезно посмотрел на Цинь Ланя: "Мастер, вы не согласны, но не отвергайте меня, хорошо?"

Не соглашаться, но не отвергать? Разве это не подлость? Хотя Цинь Лань понимал, что Лань Цяньсин имел в виду дать ему шанс полюбить себя, он все равно не мог удержаться от

появления черной полосы.

"Отпусти". Цинь Лань сказал с угрюмым лицом.

С таким выражением сердце Лань Цяньсина наполовину остыло, но он не сдался: "Мастер, я действительно люблю..."

"Отпусти!" Цинь Лань нахмурился и прямо прервал его.

Сердце Лань Цяньсина внезапно опустело. Он тупо уставился на человека под ним. Если, если Цинь Лань действительно потерял свою культивацию, даже если ему придется связать его, он свяжет его...

Фантазия Лань Цяньсина только началась. Цинь Лань, который был под ним, внезапно вырвался из его хватки, но вместо того, чтобы создать с ним дистанцию рукой, он обнял его за талию, перекатился в сторону и повел его прямо вниз со ствола дерева.

Разум Лань Цяньсина снова помутился, пока он не услышал треск, издаваемый домом на дереве, который они с Цинь Ланем построили вместе, когда они приземлились.

Только тогда он понял, что Цинь Лань не хотел отказываться, а просто просил его отпустить. В такой опасный момент, для него, который был самонадеянным по отношению к нему снова и снова, он даже спас его.

Более того, Цинь Лань действительно мог сопротивляться прямо и сильно. Просто его база культивирования была запечатана, так что на самом деле этого не было. В конце концов, он отпустил его, не выстрелив в него напрямую, или это было потому, что он боялся причинить ему боль?

Все сердце Лань Цяньсина было словно вымочено в горшке с медом. Он даже не был настроен слушать, что скажет человек, внезапно прервавший их с хозяином.

"Юнь Цзюэ, я не видел тебя столько лет. Ты действительно удивителен. Ты действительно сошелся со своим учеником?!" Мужчина был одет в черный плащ. Хотя его лица не было видно, они могли видеть темную демоническую ци, исходящую от его тела.

"Похоже, сейчас самое подходящее время. Достойный Цинъюнь Пик Юнь Цзюэ Даоцзюнь оказался здесь в ловушке. У него нет возможности выйти из массива на несколько дней, поэтому он вынужден жить как обычный человек. Это действительно жалко".

Что за массив? Лань Цяньсин с сомнением посмотрел на Цинь Ланя, но прежде чем Цинь Лань заговорил, Лань Цяньсин все понял сам.

Мастер не специально позволил ему остаться с ним наедине, а потому что они попали в ловушку и не могли выбраться, поэтому могли остаться только в этом лесу! Он был неправ!

Сердце Лань Цяньсина было в хаосе. Он не решался легко подтвердить догадку о том, почему мастер спас его именно сейчас.

Он немного боялся, что все это было лишь его самовлюбленностью: Цинь Лань не злился, потому что ему было все равно; он был с ним один в этом горном лесу, потому что не мог выбраться; Цинь Лань спас его только потому, что он его ученик, вот и все.

Настроение у Лань Цяньсина было такое, словно он только что начал учиться летать на мече. Он то взлетал ввысь, то опускался, очень неустойчиво. На мгновение он взлетал высоко в небо, а в следующий момент падал на самое дно.

Цинь Лань посмотрел на выражение лица своего мужа и потерял дар речи. Его муж был рожден заново в этом мире, почему он всегда так много думал.

Цинь Лань немного поразмышлял и пришел к выводу, что не может винить только мужа. Его характер действительно таков, он не мог выразить это просто и прямо, он мог только позволить мужу догадаться. Непредсказуемость и почти паралич лица или что-то вроде этого были совсем некстати, даже предложение и знак препинания требуют много времени, чтобы все обдумать.

<http://bllate.org/book/16078/1438156>